

ЕКАТЕРИНА ПОСПЕЛОВА

КАК Я

ВЫСТУПАЛА

В ОПЕРЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П62

Серия «Записки музыканта»
Серийное оформление и дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Аллы Шелимовой

Поспелова, Екатерина Глебовна
П62 Как я выступала в опере / Екатерина Поспелова. — Москва: АСТ, 2018. — 413, [1] с. (Записки музыканта).

ISBN 978-5-17-107970-3

Автор книги — музыкант, режиссер, переводчик и автор оперных либретто. Лауреат премии «Золотая Маска» (2016). Ее дебютная книжка состоит из смешных и лирических зарисовок с натуры, острых профессиональных наблюдений, воспоминаний о детстве и замечательных людях, встречавшихся на пути. А главное, рассказы Екатерины Поспеловой — верное средство от уныния и самоучитель радости жизни.

© Екатерина Поспелова, текст, 2018
© Юлия Межова, обложка, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Дело не в берете

Многим любителям оперы давно известен борода-тый анекдот про «Зеленовый берет». Каждый работающий в опере человек, будь он хоть двадцати лет от роду, рассказывает его про свой театр, дескать, у них это случилось.

Меж тем, анекдоту лет сто — и было ли такое вообще, бог весть...

Так вот: говорят, что сопрано, поющее Татьяну из оперы «Евгений Онегин», в костюмерной потеряло малиновый берет и надело зеленый, а, видя такое, верный реалистической традиции баритон Онегин переиначил свой вопрос и спросил: «Кто там в зелёновом берете?» После чего его собеседник бас, князь Гремин, от удивления спел: «СЕСТРА моя», — а педантичный и дотошный Онегин уточнил тогда: «Так ты СЕСТРАТ? Не знал я ране», — и т. д.

Но я описываю лишь случаи, которым сама была свидетельницей. И вот подумала: хоть и забавна

Екатерина Поспелова

эта старая хохма, но насколько действительно происходящее на сцене всегда смешнее бородатых анекдотов...

Итак...

С берегом все было как раз хорошо, он был нужного цвета.

Но именно в этом легендарном речитативе оперы после вопроса:

— Кто там в малиновом берете? — прекрасный бас Гремин спел свою реплику:

— Ага! Давно ж ты не был в свете? — и, поскольку получилось складно и в рифму, он счел, что уже молодец, и продолжение петь не стал.

Баритон же Онегин, чувствуя, что оркестр уходит вперед, а коллега молчит, пропел за него, изменив чуть-чуть грамматическое лицо и сократив убегающие длительности:

— Позволь-КА ЕЙ представляюСЬ Я...

Гремину ничего не оставалось, как продолжить:

— Да кто ж она? (Ему, как нянюшке, «зашибло».)

А Онегин на это — назидательно и выразительно (как бы — опомнись, «нас окружают»):

— Жена ТВОЯ!

Гремина это открытие ошеломило. Он обмер и спел реплику Онегина в недоумевающую малую секунду:

— Так Я женат? Не знал я ране...

(О, ранний «эклер»! Гремину было лет тридцать пять, как говорит литературовед Лотман.)

Дело не в берете

Тут Гремин-бас вспомнил (хоть и зря), что у баритона, чьей партией он нечаянно завладел, это не вся реплика, и, не желая повторить свою былую ошибку, страдальчески продолжил:

— Давно ли?

Онегин (нажимая и умоляюще взглядом: пропадаем!):

— Около двух лет!!!

Гремин (совсем падая духом):

— На ком?

Онегин (боже мой!):

— На Лариной!

Гремин (ааааа — точно!):

— Татьяна???

Онегин (интимным ходом вниз по терциям, вроде как: ну, парень, дал ты мне поволноваться...):

— Я ей знаком...

Гремин (слава богу, пронесло):

— ТЫ ИМ сосед!!!

Тут все вернулось на круги своя, и Гремин пошел петь вожделенную залом арию в Ges-dur-e: «Любви все возрасты покорны».

(Дескать, и маразматика тоже.)

В зале никто ничего не заметил.

Заметили сами бас с баритоном, помреж, следящий по нотам, окружающие генералы и Татьяна.

Екатерина Поспелова

Да я.

Арию Греммин спел странно. Пытался отвлечься от клокочущей смеси смеха, испуга и облегчения — «пережал» страшно, но некоторые любят, когда так.

Онегин все время отворачивался, как бы пораженный глубиной чувств князя, и утирал украдкой глаза — это очень даже мило было.

Татьяна мелко вздрагивала в своем кресле и пряталась за веер.

Хор стоял, нарочито мрачен и суров, чтоб не провалась все сметающая «бугага».

Меня, стоящую за кулисами, и помрежа никто не видел, поэтому мы катались в родовых муках.

Публика была в восторге.

Инициация Валеры

Из всех походов в буфет обычно самым сладким был первый: утром перед репетицией, как правило, я не успевала или не хотела есть, в перерыве буфет был закрыт, и только в два удавалось наконец припасть к чашечке кофе и к крабовому салату. (Причем я заметила: от русской музыки в животе урчало сильнее, чем от итальянской.)

И вот я поворачиваюсь от стойки, чтоб сесть за стол, и вижу, что в углу одиноко сидит наш новенький баритон Валера, высокий, красивый и очень молодой парень. Он еще никого не знал в театре, скромно ел котлету, поминутно оглядываясь на веселые компании по соседству, которые еще его не принимали.

Я села к нему, спросив разрешения, и мы разговорились. Кто он, откуда, где пел, какие композиторы ему нравятся. Он очаровательно улыбался, но был напряжен: ждал, когда прозвучит по радио помреж с объявлением. И вот голос над ухом сказал: «Солистов, отъезжающих в город Р., просим пройти к

Екатерина Поспелова

служебному входу». Валера раскланялся, отнес тарелки и быстро ушел.

К воротам подали микроавтобус. Туда погрузили портпледы с платьями и фраками, потом в автобус залезли две хохотушки: колоратура Наташа Ш. и меццо Маша М., моя любимая пианистка Таня С. и Валера.

Все они ехали с продуманной оперной программой в один из подмосковных городов.

Дорога занимала часа два. Портпледы повесили на ручку от подъемного окна в середине салона, и сидящий одиноко Валера за ними спрятался, но то и дело бросал застенчивые взгляды на веселых и что-то бурно обсуждавших девушек, которые не обращали на него внимания.

Как вдруг одна из них, отодвинув качающийся на вешалке фрак, закричала через шум мотора:

— Слушай, как тебя (тут она назвала его фамилию), ты — крепкий мужик?

— Я... крепкий. И... я Валера,— сказал Валера.

— Отлично, Валера так Валера. Ты можешь меня сегодня отнести и вынести на плече?

— Я? — Валера покраснел.

— Короче,— Наташка Ш. нетерпеливо махала рукой,— я хочу Олимпию спеть, а она, ну, это,— кукла. Ее надо выносить, потом два раза заводить ключом, а потом унести назад, когда я сломаюсь.

— А, понял, — показывая, какой он сообразительный, отвечал Валера, — я видел постановки...

В опере Оффенбаха «Сказки Гофмана» действительно ученый-физик демонстрирует гостям свою дочь-гомункула — прекрасную куклу Олимпию, которая очень виртуозно и смешно поет песенку «*Les oiseaux dans la charmille*», но два раза ломается и с протяжным стоном прерывает свое механическое пение.

— Ну, и прекрасно, — сказала Наташа, выдохнув, — ты там свои песни споешь, а потом меня вынесешь. Если даже надорвешься, ничего, ты все свое уже отпел.

Валера подумал: вот каких бы комплиментов ее миниатюрности наговорил бы тут баритон Ф., но сам он пока такой прекрасной развязности не обрел. И кивнул, еще более покраснев.

— Ну, все, — и девицы опять потеряли к нему интерес.

В зимних сумерках достигли наконец города Р. и подъехали к какому-то серому и невзрачному зданию.

— Вот тут, — сказал шофер, виновато оглядываясь на Таню С., главную и ответственную в компании.

Певцы вышли и осмотрелись. Никаких афиш, говорящих о приезде московских солистов, не было, вместо них висел лист бумаги с надписью: «Распродажа пальто».

Никто не встречал.

Кроме того, как только они вошли в здание, послышалось равномерное и громкое «умц-умц» откуда-то снизу, как будто в подвале шла дискотека (что потом и подтвердилось).

Наконец вышел какой-то загвохлик в трениках с пузырями на коленках и сказал, что он «весь уже прям изождался» приезда оперы и просит всех идти за ним, он покажет зал и примерку.

В тоскливом, советского типа конференц-зале у стены стояло облупленное пианино.

Загвохлик и Валера с трудом выкатили его на сцену, так как у него было три колесика вместо четырех.

Прекрасная Таня С. в накинутом на плечи пуховике (было холодно, и пар шел изо рта) села за пианино и взяла несколько арпеджированных красивых аккордов.

Красиво не получилось, потому что пианино стукнуло и стало заваливаться на Таню, и две-три черных клавиши оторвались и полетели на пол.

Валера героически бросился на помощь. Нашел какие-то чурбачки, подложил под пианинный угол.

Таня хмуро достала откуда-то скотч и приклеила ля-диез и ре-бемоль на место.

— Я не первый раз в такие места езжу,— сказала она удивленному Валере.

...В темноте зала появились три-четыре старушки с сумочками и робко сели в восьмом ряду.

Таня быстро «распела» Наташу и Машу, что-то поправила карандашом в программке, и все пошли переодеваться.

В миг начала концерта Таня заглянула в зал. Старушек было пять. Таня забеспокоилась и позвала того, с пузырями.

Он явился и флегматично спросил:

— Что, водку уже нести?

— Какую еще водку! — внезапно закричала Таня. — К вам приехал столичный театр петь оперную музыку! А у вас черт знает какое пианино, клавиши отлетают, холодно, и даже афишу сделать не потрудились! Может, вы и время перепутали?!

— Нет, — сказал дядька в трениках, — все нормально, публика в зале.

— Ах, это публика?! — Таня потеряла дар речи. — Немедленно ведите меня к вашему директору!

Таня человек не гневливый, но тут ее проняло не на шутку, обида и возмущение душили — так, что директор испугался. Он вскочил из-за стола, взял Таню за руку, просил успокоиться и обещал, что через пять минут публика будет, будет, полный зал будет!

Ничему не поверив, Таня почти в слезах вернулась за кулисы.

Но вот чудо — судя по звукам из-за двери, ведущей на сцену, зал действительно стал наполняться. Гул голосов становился все гуще, причем странный

Екатерина Поспелова

какой-то был шум, не такой, как обычно слышишь из-за кулис.

Умирая от любопытства, девушки приоткрыли дверь... и обмерли, как пушкинская Татьяна в своем сне в «Евгении Онегине»: пять старушек сидело с краешку, в ужасе прижавшись друг к другу, а на остальных местах сидели... панки.

«Один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой».

Вот без преувеличений.

С зелеными коками, бритые, в булавках и сапожищах.

Певицы и Таня обомлели.

И тут поняли, что тяжкое «умц-умц» из подвала вот уже минут пять как не умкает...

Тут пришел директор и радостно сказал:

— У меня, так сказать, молодежная субкультура арендует подвал под свои тусовки. Я им пошел щас и сказал: «А ну идите все на концерт классической музыки, а то я вашу оргию позакрываю на фиг!»

Директор был страшно горд собой.

Надо сказать, концерт прошел замечательно.

Неистовые приветственные крики раздавались тотчас же, как только декольтированные девушки показывались из-за двери, потом — когда выходили к пианино, стоящему на чурбачках, а также при каж-

дом жесте оголенной руки, при каждом движении и на каждую высокую ноту или пассаж.

Старушки сначала совсем испугались, а потом вдруг преподали панкам неожиданный урок — высоко поднимали руки, хлопая, — как бы показывая молодежи, каким именно образом надо поощрять классических исполнителей. Панкам этот номер очень понравился, и они весь концерт старательно отбивали себе ладоши.

Аплодировали почти все время.

Валеру тоже хорошо и по-мужски поприветствовали, а после спетого им грустного романса «Как мне больно» кто-то в зале сказал:

— А чо, реально, я чуть не заплакал, блин.

Номер «Кошки» Россини почти провалился, — панки на «мяу-мяу» в исполнении девушек стали ржать и подмюкивать так, что Таня за роялем смахивала слезы, а сопрано и меццо еле домюкали до конца.

В финале Наташка спела куклу Олимпию.

Валера очень волновался в предчувствии момента, а когда тот настал, снова покраснел, как мак, обхватил обеими руками Наташку за корсет и понес навстречу почти людоедскому воплю из зала. Сделал несколько вращательных движений, как бы ключом, у Наташки за спиной и артистично отступил на носках.

Наташка запела, сгибая руки лопаточками и по-кукольному крутя головой. Все выше пассажи, все тоньше рулады и колоратуры...

Екатерина Поспелова

Панки как-то крякали и почти стонали...

Наташка вдруг тревожно пискнула в третьей октаве, потом еще пискнула, скатилась на глассандо, согнулась резко пополам, качнулась и замерла с упавшими руками, свесив белокурые локоны почти до полу.

Панки ахнули.

Валера, в азарте от ответственной роли, подошел, покрутил опять воображаемый ключик у Наташки между планок корсета, насупился, сделал обреченное лицо, взял куклу-Наташку на плечо и пошел к дверям.

А та, вися через его плечо, болтая кудрями, незаметно для зала била его по спине кулаком и шипела:

— Дуррррак! Куда ты меня понес? У меня еще каденция!

Похолодевший Валера вспомнил, что кукла ломается два раза и уносить надо после второго... Он резко повернулся, принес куклу обратно, изобразил, что он совсем забыл про какой-то дополнительный ключик, поднял палец вверх, вынул ключик из кармана, показал его панкам, под рев одобрения завел Наташку — и каденция наконец зазвучала...

В конце Наташка взяла ми-бемоль.

Началась стоячая овация с криками.

После концерта и трех бисов панки попробовали было штурмовать гримуборную, но дядька с пузыря-

ми встал насмерть, а вовремя подошедший директор ДК прогнал всех обратно на дискотеку.

ДК опять задрожал от тошного «умц-умц», старушки что-то прошелестели благодарственное, подарили всем исполнителям по маленькой шоколадке, а Таня, упав в кресло, сказала дядьке с пузырями:

— Ну, давайте уже вашу водку.

Часов в восемь мы ужинали с Таней в буфете, перед закрытием. Я закончила репетиции, Таня рассказывала мне всю эту историю, а Валера сидел, возбужденный и румяный, за соседним столиком, в окружении Наташки, Машки, теноров и баритона Ф., который, обнаружив в меню «Сердце куриное», зычно пел на весь буфет:

— Сердце куриное с курицами ешь, Мизгирь!

...Сейчас Валера давно поет в Метрополитен и в других замечательных театрах планеты.

Имя его я изменила, но шлю ему тут огромный и нежный привет.

